

КИНО
ЮБИЛЕЙ

Александр Сокурову — 50 лет

НЕУДОБНЫЙ

Кинорежиссер Александр Сокуров — фигура для юбилейного текста неудобная. Он не любит давать интервью: журналисты бестактны; с ними попросту неинтересно общаться, а зачем тогда тратить дорогое время?

Ольга ШЕРВУД

К тому же они не приносят на визу текст, хотя обязаны, — а потом критиканы придираются к грубо поданному теми же журналистами или просто неудачно выписанным мыслям. Сами же мысли довольно трудны как для обывателя, по определению редко думающего, — так и для интеллектуала, потому что неожиданны и неспекулятивны. Выказываний о России Сокурову вообще не могут простить — как и фильмов о Ельцине и Солженицыне (спасибо, что еще не сделал о Папе Римском, с которым имел беседу; о содержании умалчивает, о впечатлении говорит в частном разговоре; оно поразительно) — подозревают конъюнктурность (по себе судят). Да и вообще — кто он, мол, такой, что на таком уровне! Но вдруг оказалось, что без Сокурова — никуда. Что за его фильмы дерутся фестивали. Что «Дни затмения» вошли в список пятидесяти картин «всех времен и народов», составленный по весне журналом «Кайе дю Синема» вместе с «Жил певчий дрозд» Иоселиани и «Хрусталева, машину!» Германа — и ничего больше из советско-российских. Что он — самый коммерчески успешный в мире современный отечественный автор. Что к нему на стажировку приезжают молодые режиссеры из разных стран. Что ему посвящают диссертации и монографии; я сама случайно видела толстую книжку на японском языке, целиком про фильм «Дольче (нежно)», — изданную

так, что она — отдельный факт искусства.

Вдруг, в конце концов, стало ясно, что он страшно много уже сделал. Со времени окончания ВГИКа в 1978 году. — 25 неигровых фильмов (среди которых несколько многосерийных) и 12 игровых. Сумму определите сами, не забудьте того, что это — произведения, а не «единицы» или «штуки».

Оказалось, что без Сокурова — никуда

Количество, конечно, — последний довод, да и не довод вовсе; но критики сокуровских фильмов, на мой взгляд, обнаруживают лишь вялость собственных мозгов, неумение додумать и почувствовать. Не случайно с каждой картиной у него все больше «сторонников»: даже те, кто прежде ругался, теперь как минимум лояльны. А высказаться о его фильмах желают отнюдь не только профи: чего вдруг написал статью о картине «Мать и сын» Ник Кейв; лучший текст о «Тельце», который мне попался, принадлежит Валерии Новодворской...

«Апологеты» Сокурова, как и его «ненавистники», — уже предмет самостоятельной рефлексии. Правда в том, что оценка этого человека теми, кто с ним работает/работал, совершенно иная: растет из другого. Но их рассказы — для их мемуаров. Они не будут

«забавны» и легки: Сокуров, отказавшийся от всего, в том числе и от личной жизни, ради работы, — не источник «анекдотов» и баек. Правда, вокруг него нередко делается скандал.

Я же и говорю: неудобный.

Сейчас Александр Сокуров занят сразу тремя проектами. Один, о котором недавно широко рассказывалось, — про Эрмитаж: съемка один день в декабре непрерывной камерой в залах музея, с массовой до двух тысяч человек. Другой — игровой фильм «Отец и сын». Третий — часовая картина на видео «Элегия дороги». Александр Николаевич — об этом замысле:

— Несколько лет назад ко мне обратился директор Роттердамского кинофестиваля с предложением что-нибудь для них сделать. И в тот же вечер я впервые попал в Роттердамский художественный музей (там, например, «Вавилонская башня» Брейгеля известная). Ночь, никого нет, пусто... директор сам открыл ключом входную дверь в огромное здание...

Прошли годы, вдруг обнаружилось: есть продюсер, есть средства, в данном случае — франко-голландские... Но мы снимали «Молох», потом сразу «Тельце», и вот стало ясно: если сейчас не сделаем, — поступим очень плохо по отношению к французскому продюсеру, который свою работу сделал и собрал деньги... Ну и начали.

Смысл таков. Есть некий персонаж в России, условно говоря — автор, который живет в провинциальном городе. Однажды он понимает, что тяжело ему жить становится — совсем невыносимо. И уезжает из этого города — едет через пол-России, подстегиваемый памятью об одной картине, которую много лет назад видел. Ему очень хочется почему-то увидеть ее снова. Он никак не может понять, что это за наваждение, и не совсем, может быть, даже помнит, в какой стране это было...

Вообще, полусон, полусказка. Художественная форма, которая делается документальными средствами, очень простыми.

Я хочу, чтобы картина была недлинной... как сон, который быстро заканчивается и который не расшифровать. Не знаю, как это сделать... Необыкновенный, редчайший случай: мы приехали в Бремен поздно ночью, и началась пурга, город стало засыпать снегом... И на пароход, когда плыли, обрушилась буря снежная, и мы снимали, несмотря на запрет. А потом, на рассвете, море уже было другим — парило...

Стихия как таковая — один из персонажей этой истории. Не поехал куда-то, человек многого не сделал. Надо совершить поступок, чтобы ЧТО-ТО было. Если ты его не совершишь — просто НИЧЕГО не будет. А совершая поступок, никогда не знаешь, что в результате. Вроде ты что-то выигрываешь для своей души, а для жизни твоей или для близких огромная от этого, может, потеря...

Снимали мы трудно. Но четыре дня работать в одном из самых интересных художественных музеев мира... — это награда. Вообще пришло время, когда многие люди стали понимать, что труд, возможность получить работу — интересную, серьезную — уже награда в жизни. Работа перестает быть для значительного числа людей просто жизненным эпизодом, исполнением обязанностей. Я, правда, сейчас не имею в виду режиссеров, тут другая история...

— А какая картина все-таки видится вашему герою?

— Не скажу. Это неважно.

— А мы ее увидим?

— Да. Она написана в XVIII веке. Там изображена площадь перед собором, летним вечером. Там два дерева и несколько фигур людей. Видимо, стоят и слушают колокольные звоны. Вот и весь сюжет.

Санкт-Петербург

